К80 2/50

ЭКЗЕМПЛЯР

K80 2/50

К80 2/50

ДОНЕСЕНІЕ О МОСКОВІИ

ІОАННА ПЕРНШТЕЙНА,

ПОСЛА ИМПЕРАТОРА МАКСИМИЛІЯНА II

ПРИ МОСКОВСКОМЪ ДВОРѢ ВЪ 1575 ГОДУ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО

ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1876.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1876 г. кн. 2-я.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 16076
31 VIII/1039

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Чье это сочиненіе, навѣрное сказать нельзя. Судя по имени, выставленномъ въ самомъ сочиненіи: „Relatione di Moscovia, fatta da Giovanni Pernstein, mandato Ambasciatore a questa corte dall' Imperatore Massimiliano II," оно указываетъ на Іоанна Перштейна, извѣстнаго Великаго Канцлера Королевства Чешскаго, не разъ бывшаго Посломъ отъ своего Государя къ разнымъ Государямъ, но только не къ Московскому Царю и Великому Князю. См. о семъ 330 примѣч. 1-й части „Критико-литературнаго Обозрѣнія путешественниковъ по Россіи до 1700 года и ихъ сочиненій, Фридриха Аделунга," въ Русскомъ переводѣ А. С. Клеванова, напечатанномъ въ „Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ" (1848, 1863 и 1864, и отдѣльно). Въ этомъ Аделунгъ, въ свою очередь, ссылается на „Описаніе Вѣнской Придворной Библіотеки, Іосифа Хмеля" (1840, 8, Bd. I, S. 59, 69, 164 и 125). Стало быть, оно не могло принадлежать этому Государственному мужу Чешскому. Названіе „Перштейнъ," указываетъ, однако, на другого „Перштейна" (въ спискахъ, кромѣ того, звучащаго разнообразно: „Prenistain, Prenistan, Pernesten, Pernisten, Pernister,

Pernestar; см. 348 примѣч. у Аделунга), только не „Giovanni," а „Filippo," что совпадаетъ и съ показаніемъ Русскаго переводчика этого Донесенія, увѣряющаго, въ примѣчаніи, что, по другимъ документамъ, сочинителя его звали „Филиппомъ." Заглавіе Донесенія его на Итальянскомъ языкѣ тождественно съ заглавіемъ Донесенія яко бы Іоанна Перштейна, кромѣ имени „Filippo" вм. „Giovanni," и вм. названія „dall' Imperatore Massimiliano II," читаемъ просто: „Ambasciatore della Maestà Cesarea." Наконецъ годъ не тотъ: въ 1-мъ стоитъ 1575, между тѣмъ какъ во 2-мъ 1579; слѣдовательно, уже не при Максимиліянѣ II-мъ, а при Рудольфѣ II-мъ; но мѣсто, откуда послано это Донесеніе, въ обоихъ совпадаетъ, равно какъ и мѣсяцъ и число его: „Изъ Ловича, въ Польшѣ, 27-го Мая, 1579," а въ 1-мъ „1575 г.:" „Relazione fatta del Sign. D. Filippo Pernistan (Pernstein) Imperiale Ambasciadore della Maestà Cesarea al Gran Principe di Moscovia l' anno 1579. Di Lovitio in Polonia a XXVII di Maggio 1579." Переводъ Донесенія Филиппа Перштейна съ Итальянскаго на Латинскій озаглавленъ такъ: „Narratio historica Philippi Pernisten, oratoris Caesarei, quomodo in conspectu Magni Ducis Moscoviae steterit, de conloquiis et convivio cum ipso Duce, de religione, disciplina ecclesiastica ac moribus Moscorum deque aliis, quae sibi acciderant sua fungendo legatione." Всѣ трои находятся въ Ватиканской Библіотекѣ. Странно только, что Аделунгъ, въ статьѣ объ Іоаннѣ Перштейнѣ, называетъ „Naratio historica" переводомъ съ Итальянскаго, а въ статьѣ: „Филиппъ Пренистайнъ," приведши заглавіе этого послѣдняго, говоритъ: „Другой отчетъ объ этомъ путешествіи на Итальянскомъ языкѣ находится тамъ же (въ Ватиканѣ) подъ слѣдующимъ заглавіемъ," и, въ слѣдъ за тѣмъ, выписываетъ самое заглавіе Итальянскаго Донесенія, приведенное мною выше. Другіе списки „Relazione" имѣют-

ся, по увѣренію Аделунга (см. статью 1-й части 82) въ Берлинской Королевской Библіотекѣ, и въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ (въ части его Румянцевской), озаглавленные: „Discorso delle cose di Moscovia," съ именемъ „dell' Sig-re Filippo Prenestain," и въ другомъ „Prenistan" и съ 1579 годомъ. Послѣдній составляетъ, кажется, копію съ перваго. Но начало въ обоихъ и конецъ не согласуются съ началомъ и концомъ „Relazione" 1575 и 1579 гг., по чему Аделунгъ и думаетъ, что „Discorso delle cose di Moscovia" можетъ составлять совершенно особое сочиненіе отъ „Relazione." Чямпи въ Пизѣ имѣлъ также у себя списокъ: „Relazione" съ именемъ „Filippo Prenestain," и сообщилъ копію съ него въ 1830 г. нашей Академіи Наукъ. Переводъ съ „Relazione" на Латинскій явился во Франкфуртѣ въ самый годъ его составленія — 1579, въ 4-ку, и также въ 1610, 4°: „Philippi Pernisteri Relatio de Magno Moscoviae Principe." Оно же извѣстно и подъ заглавіемъ: „De aula Moscovitica," и переведено на Нѣмецкій въ Лейпцигѣ 1717, въ 8-ку. Латинскій и Итальянскій переводы см. и въ: „Thesaurus Politicus," p. I, pag. 280, а въ „Casp. Ens Thesaurus Politicus. Coloniae, 1611, p. III, pag. 534 и слѣд. Другой Нѣмецкій переводъ: „Relation eines ungenannten Gesandtes vom Röm. Kaiser Maximilian an einen ungenannten Staatsbeamten." Это намекаетъ на тотъ Ватиканскій списокъ, который списанъ покойнымъ А. И. Тургеневымъ и съ котораго предлагается тутъ Русскій переводъ.

Что же изъ всего сего слѣдуетъ? А вотъ что: 1. Чешскій сановникъ Янъ Перштейнъ, хотя и былъ посломъ, но не къ Московскому Государю. Слѣдовательно „Донесеніе" это не можетъ ему принадлежать.

2. Филиппъ Перштейнъ или Пренистанъ (со всѣми ви-

доизмѣненіями этого названія) также не можутъ быть сочинителемъ его, такъ какъ онъ, по увѣренію Аделунга, посольствовалъ въ 1579 году, если только посольствовалъ.

3. Скорѣе это „Донесеніе“ составлено кѣмъ либо вовсе не бывавшимъ въ Московскомъ Гобударствѣ, „неизвѣстнымъ для неизвѣстнаго,“ какъ замѣчено уже о томъ и въ Нѣмецкомъ переводѣ его, еще въ 1611-мъ году изданномъ.

4. Оно могло быть составлено на основаніи 1: „Донесенія“ (Relation) о посольствѣ Кобенцеля въ сотовариществѣ Принца изъ Бухова, писаннаго послѣднимъ и находящагося въ рукописи въ Вѣнскомъ Придворномъ Архивѣ подъ заглавіемъ: „Herren Hans Kobenzel von Prosseg Teutschordens Ritters und Herrn Daniel Prinzens alleruntherthenigste Relation über ihre getragene Legation bey dem Grossfürsten der Mosca,“ 1576, Марта 13. Вѣна. II. На основаніи описанія путешествія, составленнаго Кобенцелемъ на Сербскомъ (Илирскомъ) языкѣ для друга своего, Колоцкаго Архіепископа, Николая Дражковича, которое переведено на Латинскій языкъ подъ заглавіемъ: „Epistola Clarissimi viri Ioannis Cobenzl a Prossek... de legatione sua nomine Maximiliani II, Imperatoris, apud Magnum Moscoviae Ducem obita, ad № Drancovitium, Archiepiscopum Colossensem et Episcopum Zagrabiensem scripta et ejus jussu ab homine quodam Hungaro in linqua Illirica seu Croatica Latina facta anno 1577,“ которое находится въ Вѣнской же Придворной Библіотекѣ. Въ Ватиканской Библіотекѣ эта „Epistola“ имѣется на Итальянскомъ: „Recivimento dell' Ambasciatore Imperiale in Moscovia 1576,“ на что указываетъ 1576 годъ, и третій списокъ въ 2-хъ экземплярахъ имѣлъ Чямпи озаглавленныхъ: „Peregrinatio D. Cobencelii in Moscoviam,“ и: „Relazione del Cobenzel, Ambasciatore Cesario al Gran Duca di Moscovia nel 1580“ (ошибочно вм.

1576). Переводъ „Epistola“ помѣщенъ на Русскомъ языкѣ въ „Вѣстникѣ Европы“ (CXIII, стр. 204 и слѣд.), сдѣланный съ напечатаннаго Вихманомъ въ его: „Sammlung kleiner Schriften zur aelt. Gesch. u. Kennt. d. Russ. Reichs“ (S. 1 — 32). III. На основаніи подробнаго журнала самого Принца изъ Бухова: „Ausführliches Journal über den Empfang des von Cobenzel alss Röm. Kay. Abgesandten zu dem Grossfürsten in Moscau“ u. s. w. Аделунгъ замѣчаетъ (см. Даніилъ Принцъ изъ Бухова № 79), что „многое, что содержится въ этихъ обѣихъ рукописяхъ, находимъ и въ печатномъ описаніи Принцева „Путешествія,“ которое онъ составилъ, выпустивъ всѣ политическія и личныя отношенія. Въ рукописи описаніе это названо: „Rerum Moscoviticarum breve compendium..... brevissime tractatur auctore Daniele Prinz.“ Составлено, по словамъ сочинителя, по приказанію самаго Императора, и находится тоже въ Вѣнской Придворной Библіотекѣ, а списокъ его въ Библіотекѣ Румянцевскаго Музея въ Москвѣ. Посвящено Императору Рудольфу II и помѣчено: „9-го Генваря 1578 г.;“ но въ печати не скоро явилось: первое изданіе въ Силезскомъ городѣ Нейсѣ: „Moscoviae ortus et progressus, auctore Daniele Prinz a Buchau“ etc. 1668, 12°, второе въ 1679, въ Губенѣ, 12°, третье 1687.

Впрочемъ, это моя личная догадка. Но, кому бы „Донесеніе“ это ни принадлежало, Филиппу ли Пернштейну, или Пренистайну, или неизвѣстному, оно до того замѣчательно, что Карамзинъ, приписывавшій его Кобенцелю, сдѣлалъ изъ него значительное извлеченіе (примѣч. 440 т. IX), и даже воспользовался „сказаніемъ сего любопытнаго описанія о пышности Іоанновой.“ Познакомился же Исторіографъ съ нимъ по „Выпискамъ Аббата Альбертранди. Возраженія Аделунга Карамзину на пріуроченье этого „Донесенія“ Кобенцелю очень шатки, кромѣ замѣчанія, что Пернштейнъ не могъ

быть Герберштейномъ. Что до того, что описаніе путешествія Кобенцеля писано по Нѣмецки и по Латыни, а не по Итальянски, то мы уже видѣли, что какъ Нѣмецкаго, такъ и Латинскаго подлинниковъ названія самъ же Аделунгъ привелъ и по Итальянски: „Recivimento“ и „Relazione dell' Cobenzel“ etc.

Въ Журн. Минист. Народ. Просвѣщенія 1842 г. помѣщенъ переводъ Кобенцелева посольства къ Московскому Двору, какъ оно описано Принцемъ изъ Бухова.

О. Бодянскій.

21-го Ноября,
1876 года.

ДОНЕСЕНІЕ О МОСКОВІИ

ІОАННА ПЕРНШТЕЙНА;

ПОСЛАННИКА НѢМЕЦКАГО ИМПЕРАТОРА МАКСИМИЛІЯНА II

ПРИ МОСКОВСКОМЪ ДВОРѢ ВЪ 1575 ГОДУ.

Изъ историческихъ актовъ, относящихся къ Россіи, извлеченныхъ изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ Д. С. Совѣт. А. И. Тургеневымъ (Спб., 1841, № 13). Документы эти напечатаны на Латинскомъ, Итальянскомъ и Польскомъ языкахъ и до сихъ поръ не были переведены на Русскій. Подлинный текстъ настоящаго Донесенія Итальянскій, а по Русски слѣдующій:

Свѣтлѣйшій и Честнѣйшій Монсиньіоръ!

Получилъ я письмо Вашей Честнѣйшей Милости [1] отъ 8 числа прошлаго мѣсяца уже здѣсь, въ Польшѣ, гдѣ нахожусь по повелѣнію Его Цесарскаго Величества, съ двумя моими товарищами, для присутствованія при Варшавскомъ Сеймѣ, открывшемся на сихъ дняхъ, но пріостановленномъ до будущаго 3 числа Іюня. На этомъ Сеймѣ мы должны представиться и дѣйствовать согласно даннымъ намъ наказамъ; не скрою, однако же, отъ Васъ, что дѣло это причиняетъ намъ много хлопотъ, а главное по тому, что Его Свѣтлость [2] нѣсколько уже разъ писалъ мнѣ поспѣшить прибытіемъ моимъ къ нему.

Мнѣ весьма пріятно узнать, что Честнѣйшая Милость Ваша осталась довольной краткимъ моимъ отчетомъ о дѣлахъ, происходившихъ въ Московіи, и предполагаю, Вы уже получили по пред-

---

[1] di vostra Signoria Illustrissima.

[2] О комъ здѣсь разумѣется, не извѣстно.

мету сему болѣе подробныя свѣдѣнія, такъ какъ все, касающееся до моего посольства (къ Московскому Царю), сдѣлалось всѣмъ извѣстнымъ. Быть можетъ, впрочемъ, что Его Цесарское Величество не увѣдомлялъ до сихъ поръ Его Святѣйшество (т. е., Папу) о семъ событіи, желая предварительно сообщить о томъ Императорскому Государственному Совѣту, дабы уже, по слѣ совѣщаній онаго, увѣдомить Его Святѣйшество и прочихъ Христіянскихъ Государей, съ цѣлію склонить ихъ, какъ предполагаю, къ союзу съ Московскимъ Государемъ противъ Турокъ, чего желаетъ, можетъ быть, и самъ упомянутый Государь, а по тому не слѣдуетъ приписывать другой причины дѣйствіямъ въ семъ случаѣ Его Цесарскаго Величества. Сверхъ сего, я вполнѣ уповаю, что, съ помощію Божіею, можно будетъ достигнуть того, о чемъ я на дняхъ вкратцѣ писалъ Вашей Честнѣйшей Милости, а именно, что подвластные Московскому Государю могутъ безъ особыхъ затрудненій быть приведенны въ лоно Святой нашей Церкви, тѣмъ болѣе, что они никогда не выходили изъ ея лона; ибо, принявъ настоящее свое Вѣроисповѣданіе отъ Греческой Церкви, они по сю пору соблюдаютъ ея уставы столь ревностно и набожно, что Вамъ трудно бы этому повѣрить. И по тому надѣяться можно, что когда убѣдятся (чрезъ слышанія отъ свѣдущихъ въ томъ лицъ) въ своихъ заблужденіяхъ въ числѣ коихъ, впрочемъ, весьма существенныхъ не имѣется), они скоро согласятся съ нами, [3] чрезъ что число наше усилится втрое, или вчетверо, болѣе, нежели сколько мы потеряли въ минувшихъ годахъ въ Германіи. [4] Пріобрѣтеніе это, конечно, было бы изъ славнѣйшихъ въ семъ мірѣ, и по тому намъ слѣдуетъ трудиться всѣми силами къ достиженію столь славной цѣли. Въ надеждѣ убѣдить Вашу Честнѣйшую Милость въ правильности моего мнѣнія, всепочтительнѣйше прошу Васъ терпѣливо выслушать все, что имѣю изложить здѣсь по сему предмету.

Во первыхъ, я думаю, что Московскому Государю внушено было, безъ всякаго сомнѣнія, самимъ Богомъ, чрезмѣрное желаніе войти въ союзъ съ Цесарскимъ Величествомъ, съ Его Святѣйшествомъ, съ Испанскимъ Королемъ и съ нѣкоторыми другими Хри-

---

[3] Замѣчательно, что въ наше время высказано было почти то же воззрѣніе на Мюнхенскомъ Съѣздѣ Старо-Католиковъ съ главою ихъ, извѣстнымъ Дѣлингеромъ.

[4] То есть, перешедшихъ изъ Католичества въ Лютеранство.

стіянскими Государями по выше означенному поводу. За тѣмъ, удостовѣрить могу Вашу Честнѣйшую Милость, что, не смотря на то, что у нѣкоторыхъ писателей говорится, будто бы Московскій народъ враждебно расположенъ къ намъ, послѣдователямъ Римской Апостольской Церкви (что, впрочемъ, могло быть въ прошедшія времена), однако нынѣ все это измѣнилось и достовѣрно то, что Москвитяне пламенно желаютъ узрѣть Римъ и посѣтить мѣстность, гдѣ, по дошедшимъ до нихъ разсказамъ и по почерпнутымъ изъ чтенія свѣдѣніямъ, пострадали и почиваютъ столько Святыхъ, коихъ они чествуютъ болѣе, чѣмъ мы. О томъ не рѣдко толковали мнѣ Пристава, находившіеся при мнѣ и увѣрявшіе меня, что они на свѣтѣ ничего столько не желаютъ, какъ посѣтить сказанныя мѣстности, особливо Лоретто, [5] болѣе имъ извѣстное, нежели многимъ Нѣмцамъ и Французамъ. Въ доказательство истины сказаннаго мною добавлю, что когда я спросилъ: «Дозволено ли будетъ мнѣ видѣть образъ Святителя Николая?» [6] ими всѣми почитаемаго, мнѣ отвѣчали, что не будетъ къ тому никакихъ препятствій, если только я принадлежу къ Римскому Вѣроисповѣданію, а не Лютеранскому, какъ называютъ они новыхъ еретиковъ, и ненавидятъ ихъ паче Турокъ, въ истинѣ чего ссылаюсь на Бога.

Относительно религіозныхъ обрядовъ, они ихъ соблюдаютъ болѣе, чѣмъ мы: такъ, сопровождавшіе меня никогда не проѣзжали мимо какой ни будь обители, или церкви, или другого религіознаго предмета, каковые встрѣчаются весьма часто путешественникамъ, безъ того, чтобы не слѣзть съ коней, либо не выйти изъ своихъ саней, [7] при чемъ они осѣнялись троекратно крестнымъ знаменіемъ и наклонялись почти до земли, произнося громогласно: «Pomiloy Hospodi, Hospodi Pomiloy,» то есть: Kyrie Eleyson [8] А когда мы проѣзжали мимо церквей въ то время, когда въ нихъ

---

[5] Въ Лоретѣ показываютъ, какъ извѣстно, домъ (la santa casa di Loretto), гдѣ родился Спаситель, перенесенный, по увѣренію Латынянъ, въ сказанный городъ Ангелами.

[6] Въ примѣчаніи въ текстѣ читается, что въ рукописи, хранящейся въ архивахъ монастыря Св. Павла, ордена Театиновъ въ Неаполѣ, сказано: «видѣть главу Св. Николая.»

[7] Посольство прибыло въ Россію въ зимнее время.

[8] Греческое «Киріе элейсонъ» довольно знакомо всѣмъ Латынянамъ, по тому что оно сохранилось въ обѣихъ ихъ литургіяхъ, какъ въ читаемыхъ полушепотомъ, такъ и въ пѣваемыхъ.

шла обѣдня («messa»), они входили туда, клали земные поклоны, стуча головою о полъ, или о сосѣднюю стѣну, особливо во время возношенія Евхаристіи. [9]

Главный изъ моихъ Приставовъ, Князь Дмитрій Теллоничъ [10] никогда не садился за обѣденный столъ, не бывши предъ тѣмъ у литургіи. По правдѣ Вамъ сказать, я никогда не бывалъ при этой ихъ церковной службѣ, дабы, во первыхъ, не участвовать въ ихъ схизмѣ, [11] и во вторыхъ, по тому что этотъ Князь Дмитрій предупредилъ меня, что не было бы пріятно Москвитянамъ видѣть насъ въ ихъ церквахъ; но, стоя снаружи, какъ дѣлаютъ тѣ изъ нихъ, которые, имѣвъ сношеніе съ женщинами, не успѣли омыться въ баняхъ, я часто все видалъ и все слышалъ, и трудно повѣрить, какъ благочестиво все тамъ совершается.

Священническое ихъ облаченіе то же самое, что у насъ, но обѣдня ихъ продолжается вдвое болѣе нашей, и служба идетъ на родномъ ихъ языкѣ. Въ Богослуженіи участвуютъ два, или три, Діякона, нескончаемо поющія обычныя ихъ: «Pomiloy Hospodi», или: «Alleluja, alleluja!» и къ ихъ пѣнію приспособляется народъ, все время осѣняющій себя крестнымъ знаменіемъ. У нихъ въ употребленіи, какъ и у насъ, иконы и свѣчи, но особенно, святая вода и освященная соль. [12] При окончаніи литургіи Священникъ раздаетъ присутствующимъ небольшія частицы освященнаго хлѣба, принимаемыя ими съ великою набожностью, и эти частицы они уносятъ даже домой, дабы раздать по крохамъ своимъ домашнимъ.

Въ монастыряхъ литургія совершается послѣ пѣнія первыхъ пѣтуховъ, [13] и при ней присутствуютъ одни только мужчины, изъ

---

[9] Elevazione della Santissima Eucharistia, особенный моментъ Латинской литургіи послѣ пресуществленія Святыхъ Даровъ.

[10] Въ примѣчаніи въ текстѣ стоитъ: «Гелоничъ и Силлоничъ.» Это Князь Дмитрій Петровичъ Елецкій. О. Б.

[11] Правило это строго наблюдается по сю пору Италіянскими Римско-Католиками, хотя отъ него отступаютъ Французы и Нѣмцы. Во время коронаціи нынѣшняго Государя Императора (1856 г.) Папскій Чрезвычайный Легатъ нарочно прибылъ (какъ слышно было тогда) въ Москву по окончаніи всѣхъ церковныхъ церемоній, чтобы не присутствовать при нашемъ Богослуженіи. Впрочемъ, правило это опредѣлено Соборами еще до раздѣленія Восточной и Западной Церквей.

[12] Сочинитель очевидно, по незнанію, приписываетъ Русскимъ обычай освященія соли, въ употребленіи въ одной только Римской Церкви.

[13] «In galli cantu», то есть, вскорѣ послѣ пѣтлоглашенія.

коихъ многіе остаются по усердію въ церкви въ продолженіе всей ночи вмѣстѣ съ монахами, которые не перестаютъ во все это время пѣснословить и хвалить Господа, очередуясь такъ, что иные выходятъ изъ церкви, а иные входятъ.

Въ своихъ домахъ они равнымъ образомъ придерживаются богомольныхъ своихъ обычаевъ: такъ, на примѣръ, при входѣ, или выходѣ, изъ дома всегда падаютъ три раза на колѣни предъ изображеніемъ распятія, или предъ иконою Пречистыя Дѣвы, въ знакъ почитанія, коимъ постоянно держатъ зажженныя свѣчи во всякой комнатѣ, или у всякой печки,[14] знаменуясь крестнымъ знаменіемъ и повторяя до трехъ разъ обычное: «Pomiloy Hospodi!» Только по совершеніи этого обряда начинаютъ они разговаривать съ находящимися въ домѣ; то же самое дѣлаютъ прощаясь съ хозяевами. Того же обычая держатся они и садясь за столъ; и могу Васъ увѣрить, что самъ Великій Князь никогда безъ того не возметъ ничего въ ротъ, что, признаюсь, показалось мнѣ очень страннымъ когда я допущенъ былъ къ его столу.

Слѣдуетъ также Вамъ сказать, Честнѣйшій Господинъ, что у Москвитянъ бываютъ весьма часто церковныя процессіи. Находясь въ Дорогобужѣ, я видѣлъ, какъ въ день Богоявленія Господня,[15] не смотря на сильнѣйшую стужу, весь клиръ, а за нимъ весь народъ, вышли изъ города съ крестами и хоругвями къ Борисѳену (называемому у нихъ Днѣпромъ), и тамъ оставались болѣе часа, распѣвая псалмы и молитвы, и все это, какъ мнѣ сказывали, въ память крещенія Спасителя нашего въ Іорданѣ.

Таинство Крещенія имѣетъ у нихъ тоже важное значеніе, какъ и у насъ, и совершается оно почти также, съ тою лишь разницею, что Священникъ произноситъ слова: «Крещается младенецъ сей во имя Отца,» и проч.[16] Таинства Исповѣди и Причащенія также тѣ же почти, что и у насъ, съ тѣмъ, однако же, различіемъ, что духовникъ и исповѣдующееся лицо стоятъ среди церкви, а не садятся. Церковная епитимія[17] налагается у нихъ довольно часто и бываетъ почти столь же строга, какъ въ Первобытной Церкви.

---

[14] Stuffa, по Французски poêle.

[15] In die Epiphaniae.

[16] «Baptizatur infans iste» и проч. Разница состоитъ въ томъ, что въ Римской Церкви, Священникъ говоритъ не безлично, а отъ своего лица: «Ego te baptizo» и проч. («Азъ крещаю тя,» и проч).

[17] «La sodisfazione», точнѣе удовлетвореніе за грѣхи.

Святаго Таинства Евхаристіи причащаются они каждогодно, а для больныхъ на дому она изготовляется только одинъ разъ въ году, во Святой и Великій Четверкъ, и хранится въ церквахъ съ великимъ благоговѣніемъ подъ видомъ хлѣба. При причащеніи больныхъ Іерей отламываетъ серебряною ложицею отъ него маленькую частицу, погружая ее въ небольшое количество теплой воды, и ею причащаетъ недужнаго. Такимъ образомъ Таинство это не разнится отъ нашего; но только что у нихъ употребляется, какъ у Грековъ, хлѣбъ квасный.

Какъ я уже сказалъ, Москвитяне весьма почитаютъ Святыхъ, какъ заступниковъ предъ Всевышнимъ Престоломъ, особенно Св. Николая, къ коему прибѣгаютъ, какъ къ исключительному своему покровителю, образъ коего въ великомъ почтеніи въ городѣ, называемомъ Можайскъ. Этому образу приносится каждое утро отъ имени Великаго Князя множество хлѣба, мяса, обыкновеннаго и оленьяго и вина,[18] и все это раздается потомъ священнослужителямъ, непрерывно отправляющимъ тамъ церковныя службы съ псалмопѣніемъ и моленіемъ о благоденствіи Великаго Князя. Въ нѣсколькихъ миляхъ[19] находится обитель во имя Святой Троицы, въ коей 700 монаховъ, всѣ на иждивеніи Великаго Князя, по тому что тамъ погребенъ Св. Игнатій (Сергій?) и тамъ совершаются часто чудеса. Всѣ монашествующіе принадлежатъ Чину Св. Василія и ведутъ примѣрную жизнь, чѣмъ также отличаются и монахини, и во всей той странѣ встрѣчаются обители на каждыя двѣ, или три леги.[20]

Во всей Московіи нѣтъ ни одной школы или какого либо зиведенія, гдѣ бы можно было учиться, кромѣ монастырей, и по тому изъ тысячи жителей не найдется иногда ни одного грамотнаго. Священники могутъ быть женаты только единожды: овдовѣвшему запрещается вступать во второй бракъ. При всякой церкви имѣется по нѣскольку Діяконовъ, изъ коихъ посвящаются въ приходскіе Священники, когда открывается мѣсто. Хотя

---

[18] Въ текстѣ «mulso.»

[19] Такъ какъ очевидно рѣчь здѣсь идетъ о Свято-Троицко-Сергіевской обители, то предполагаемъ, что здѣсь говорится (судя по разстоянію ея отъ Можайска) о Нѣмецкихъ миляхъ, изъ коихъ каждая равняется 7 верстамъ, а не объ Итальянскихъ, изъ коихъ каждая равняется $1\frac{1}{2}$ версты.

[20] Лега Французская—четыре версты.

Москвитяне отрицаютъ Чистилище, однако же молятся за усопшихъ вѣрныхъ, дабы милосердый Богъ простилъ имъ согрѣшенія ихъ и принялъ въ небесное отечество; такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ они въ сущности держатся того мнѣнія, какъ и мы. Мнѣ кажется, что главнѣйшее ихъ заблужденіе состоитъ въ утвержденіи, что никому недозволительно признавать другіе Соборы, кромѣ первыхъ Семи, которымъ они подчиняются безусловно и отрицаютъ всѣ позднѣйшія, въ чемъ и состоитъ ихъ несогласіе со Святымъ Римскимъ Престоломъ. Не нашелъ я никого, кто бы зналъ что либо о различіи между нами и Греками относительно единосущія. [21] У нихъ есть свой Митрополитъ, коему подчинены Епископы и весь клиръ, и его почитаютъ не менѣе, чѣмъ мы почитаемъ Его Святѣйшество (т. е., Папу). Онъ считается въ зависимости отъ Константинопольскаго Патріарха, но достовѣрно, что оба они имѣютъ весьма рѣдкія сношенія, по тому что послѣдній находится въ подданствѣ Турецкаго Султана, а первый—Московскаго Князя, столь естественныхъ между собою непріятелей. Митрополитъ созываетъ ежегодно Соборъ изъ всѣхъ Епископовъ и другихъ церковныхъ властей. [22] Во время пребыванія моего въ Дорогобужѣ я видѣлъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, отъѣзжающихъ на Соборъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ монаховъ и служителей, и предъ каждымъ изъ нихъ несли ихъ посохи, на подобіе того, какъ у насъ носятъ кресты предъ Апостолическими Легатами. Епископы назначаются изъ одного только монашествующаго духовенства и, въ виду полученія столь высокаго сана, монахи ведутъ безупречную жизнь. Меня увѣряли, что иные Епископы до того воспламеняются любовію къ Богу и къ служенію Ему, что при жизни и по смерти творятъ чудеса, по чему ихъ и причисляютъ къ лику Святыхъ. Великій Князь не рѣшаетъ никакого важнаго дѣла безъ согласія Митрополита.

Прибывъ въ Московію въ началѣ Рождественскаго поста (Advento), я старался быть непремѣнно принятымъ Великимъ Княземъ но онъ приказалъ сказать мнѣ, что хотя онъ весьма желалъ бы неотлагательно видѣть и обнять меня, какъ Посла дражайшаго

---

[21] «L'omussione», существительное отъ прилагательнаго съ Греческаго ὁμούσιος, единосущный.

[22] Въ текстѣ: «Vescovi e altre prelati;» послѣднее названіе не существуетъ въ Православной Іерархіи.

своего брата, избраннаго Цесаря Римскаго (какъ всегда называетъ онъ Его Величество), но что въ настоящее время онъ, по примѣру своихъ предковъ и по существующему до нынѣ обычаю, не можетъ заниматься ни чѣмъ инымъ, какъ посѣщеніемъ церквей и монастырей и присутствіемъ при божественныхъ службахъ, но что тотчасъ послѣ праздниковъ онъ призоветъ меня къ себѣ, выслушаетъ меня и сдѣлаетъ то, что внушаетъ ему его дружба къ Цесарскому Величеству, что въ послѣдствіи онъ и исполнилъ добросовѣстно.

Москвитяне не приступаютъ ни къ какому дѣлу, не призвавъ имени Святѣйшей и Нераздѣльной Троицы, съ такимъ усердіемъ и набожностію, что Вамъ трудно было бы повѣрить. Постятся они во весь Великій Постъ весьма строго, не употребляя ни чего варенаго, за исключеніемъ однихъ больныхъ; постъ же ихъ продолжается цѣлую недѣлю дольше нашего, что также составляетъ разницу съ нами. Они поступаютъ одинаково и въ теченіи поста, называемаго у нихъ Филипповскимъ Постомъ, а также и въ пятую седмицу по Пасхѣ [23] и потомъ половину мѣсяца Августа: первый изъ сихъ двухъ послѣднихъ постовъ они называютъ Петровскимъ, а второй Госпожинскимъ. [24] Выше всѣхъ Богослововъ они ставятъ Святаго «Хризостома», называя его «Zlotoustes,» то есть, Золотые Уста, какъ и Греки.

Изъ всего изложеннаго Ваша Свѣтлѣйшая и Честнѣйшая Милость можете ясно усмотрѣть, какъ легко было бы согласовать

---

[23] «La settimana rogationum,» недѣля, соотвѣтствующая недѣлѣ передъ недѣлей Семика. «Rogatio» значитъ по Латыни прошеніе. Въ Латинской Церкви недѣли воскресныя носятъ названіе отъ начальнаго слова, читаемаго тогда Евангелія, или Антифоновъ дня. Въ теченіи всей недѣли рогацій установлены въ Италіи, по городамъ и селамъ, ежедневныя процессіи, въ концѣ коихъ старшій приходскій Священникъ (il curato) несетъ освященную остію; внѣ городовъ вся дорога, по которой должна ити процессія, заранѣе тщательно устилается цвѣтами. На счетъ же Петровскаго Поста сочинитель очевидно ошибается: постъ этотъ начинается не съ 5 недѣли по Пасхѣ, а въ Недѣлю Всѣхъ Святыхъ или второе Воскресенье послѣ Троицына дня.

[24] Въ текстѣ «il digiuno di nostra Donna.» Отсюда въ просторѣчіи «Спожинки,» предъ коимъ словомъ упущено «Го,» какъ въ «Сударь» вм. Государь и т. п. Праздникъ же Успенія зовется у Латынянъ «Assunsione», съ Латинскаго «Assumptio,» т. е., взятіе на небо Пресвятой Дѣвы, хотя и есть указаніе, что въ глубокой древности праздникъ этотъ назывался: «festivitas dormitionis Beatae Mariae Virginis (праздникъ Успенія блаженной Дѣвы Маріи).

ихъ догматы съ нашими, особенно при содѣйствіи ловкихъ людей, которые съ перваго раза обратили бы вниманіе не на то, что должно было бы, но на то, что можно дѣлать, «напоя ихъ, какъ малыхъ дѣтей, млекомъ,» какъ дѣлалъ Св. Павелъ въ своихъ новыхъ церквахъ, и для сей цѣли можно было бы, между прочими, предложить одного Езуита, нынѣшняго Ректора ихъ Виленскаго Коллегіума въ Литвѣ, знающго Московскій языкъ, человѣка уважаемаго и ученнѣйшаго, по имени Варховича. [25]

Теперь разскажу Вамъ вкратцѣ, какъ я былъ у нихъ принятъ. Когда я прибылъ въ Оршу (городъ, извѣстный по случаю разбитія Московскаго войска Польскимъ Королемъ Сигизмундомъ I-мъ въ 1514 году, [26] я отправилъ нарочнаго къ Смоленскому Воеводѣ (Смоленскъ въ 28 легахъ отъ Орши) съ просьбою о содѣйствіи для представленія меня Великому Князю (какъ водится по принятому обычаю), ожидая въ Оршѣ отвѣта, который и получилъ на третій день, какъ я желалъ. Отправившись въ путь, я прибылъ, на слѣдующее утро, при восходѣ солнца, на Московскую границу, въ 12 легахъ отъ Орши, и меня тамъ встрѣтилъ Московскій Дворянинъ съ 30 санями для меня и моихъ: обращеніе его со мною самое вѣжливое, и онъ объявилъ мнѣ, что ему велѣно сопровождать меня и доставить мнѣ всѣ удобства, какія возможны были въ этомъ краѣ, и что бы я ни о чемъ болѣе не заботился. Тутъ мы пересѣли въ его сани, а свои отослали обратно. Я заявилъ этому дворянину мою признательность за вниманіе, оказанное мнѣ его Великимъ Княземъ, и въ этотъ день мы проѣхали шесть легъ, а на слѣдующій четыре, и тамъ встрѣтили выше помянутаго Князя Дмитрія, [27] сопровождаемаго сотнею конницы и множествомъ саней. Князь этотъ принялъ насъ весьма торжественно и сказалъ, въ многословной рѣчи, что Государь его весьма былъ обрадованъ извѣстіемъ о моемъ пріѣздѣ и повелѣлъ ему встрѣтить меня и сопровождать къ его Великокняжеской особѣ, стараясь о доставленіи всего нужнаго во время моего пути. Отвѣтсвовавъ, какъ слѣдовало

---

[25] Настоящая Фамилія его Варшевицкій.

[26] Сигизмундъ, прозванный Великимъ, род. въ 1466 г., умеръ въ 1548 г. Онъ дѣйствительно выгналъ Русскихъ изъ Литвы и отнялъ нѣсколько мѣстъ у Рыцарей Тевтонскаго Ордена. Гетманъ его, Князь Константинъ Острожскій, разбилъ Русское войско.

[27] Главнаго Пристава при особѣ Императорскаго Посла, написавшаго это Донесеніе.

на его рѣчь, мы размѣстились въ саняхъ, проѣхали чрезъ Смоленскъ, городъ столь же обширный, какъ и Римъ, среди котораго протекаетъ Борисѳенъ (Днѣпръ), и въ этотъ день мы проѣхали 6 легъ. На слѣдующій день мы сдѣлали еще 14 легъ и прибыли въ Дорогобужъ, гдѣ я прожилъ 53 дня по упомянутой выше причинѣ, то есть, по случаю говѣнья Великаго Князя. По прошествіи около восьми дней Его Московское Высочество [28] прислалъ ко мнѣ своего Дворецкаго, [29] по имени Князя [30] Микиту Романовича, а съ нимъ другого Князя изъ Тайнаго его Совѣта, также канцелярскаго, [31] со многими при нихъ Боярами (то есть, высшимъ дворянствомъ), и всѣ они были въ парчевыхъ одеждахъ и въ собольихъ шубахъ. Цѣлью сего посольства было поблагодарить Его Цесарское Величество за честь и милость, оказываемыя Его Московскому Высочеству присылкою меня къ нему, при чемъ Его Высочество извинялся, что, по сказанной выше причинѣ, онъ не можетъ меня принять въ настоящее время и просилъ меня потерпѣть, пока Его Высочество прикажетъ позвать меня. Я на эти слова отвѣчалъ какъ слѣдовало, но просилъ посланныхъ озаботиться, чтобы мой пріемъ состоялся какъ можно ближе, что они и обѣщали, и возвратились къ Московскому Государю, а чрезъ недѣлю Его Высочество прислалъ ко мнѣ милостивѣйшее письмо, въ коемъ изложено было вкратцѣ все, что сказано было послами отъ его лица, о причинѣ препятствовавшей ему принять меня немедленно; онъ приглашалъ меня потерпѣть до того времени, присовокупивъ, что всячески постарается принять и отпустить меня обратно безъ замедленія, съ обѣщаніемъ великихъ мнѣ подарковъ. Наконецъ, въ назначенный для того день, я отправился на пріемъ и, не доѣзжая до Великаго Князя 3 леги, получилъ, чрезъ присланнаго имъ Царедворца, въ даръ сани и отличную бѣлую лошадь, украшенную шкурою бѣлаго медвѣдя, и еще нѣсколько Персидскихъ ковровъ. Посланный сообщилъ мнѣ, что Великій Кназь меня ожидаетъ и скоро удостоитъ видѣть свои очи,—выраженіе, у нихъ обычное.

---

[28] «Allezza,» а титулъ Величества, позднѣе даваемый иностранцами Русскимъ Царямъ, мы встрѣтили впервые въ актахъ, относящихся къ Царю Алексѣю Михайловичу.

[29] «Magiordomo.»

[30] Въ текстѣ «Duca.» Это Юрьевъ-Захарьинъ. О. Б.

[31] «Cancelliere.»

Поблагодаривъ за милость Великаго Князя, мы тотчасъ пустились въ путь въ числѣ слишкомъ ста саней, и отъѣхавъ двѣ леги, встрѣтили три тысячи весьма исправныхъ всадниковъ, съ которыми были три новыхъ Пристава, присланныхъ Его Высочествомъ для моего пріема. Старшій изъ нихъ, послѣ призыванія Пресвятой Троицы, сказалъ мнѣ, что Его Высочество повелѣлъ спросить у меня о здравіи любезнѣйшаго и дражайшаго своего брата, избраннаго Цесаря Римскаго. [32] За тѣмъ второй Приставъ спросилъ, благополучно ли я совершилъ свое путешествіе, а третій сказалъ, что Великій Князь повелѣлъ ему наблюдать объ отводѣ мнѣ теплаго помѣщенія, и что это будетъ исполнено. Отвѣтивъ, какъ слѣдовало, всѣмъ троимъ, мы двинулись впередъ, и меня ввели въ приготовленную для меня довольно удобную комнату, гдѣ третій Приставъ увѣдомилъ меня, что, по повелѣнію Его Московскаго Высочества, приготовлено было для меня столь много всякихъ съѣстныхъ припасовъ и прочихъ вещей, [33] что ихъ стало бы не на тридцать, а на триста, особъ. Такъ прошелъ вечеръ и слѣдующій день, а на третій Пристава препроводили меня къ Великому Князю, и дорогою мы усмотрѣли толпу народа на улицахъ, а передъ замкомъ [34] стояло двѣ тысячи стрѣльцовъ [35] въ добромъ порядкѣ: на дворѣ замка, было другихъ столько же, и въ первомъ покоѣ до 50 Дворянъ, а въ третьемъ покоѣ надодилось ихъ вдвое больше, и всѣ они одинаково были одѣты въ перчевыхъ и собольихъ шубахъ. Въ послѣднемъ покоѣ меня встрѣтили трое вельможъ и повели къ Великому Кня-

---

[32] Формула «спросить» и «сказать» о здравіи Монарховъ, Послы коихъ представлялись въ первый разъ, была вещію первой важности при Дворѣ Московскихъ Царей, какъ можно видѣть въ Статейныхъ Спискахъ, собранныхъ Новиковымъ въ «Древней Россійской Вивліоѳикѣ.» Послы, отправленные Царемъ Михайломъ Ѳедоровичемъ къ Польскому Королю, Владиславу (сыну Сигизмунда III), чуть не вышли изъ залы перваго ихъ пріема по тому лишь, что надменный Польскій Король, желая уязвить Русскихъ Пословъ, не самъ лично спросилъ о здравіи любезнѣйшаго своего брата, Московскаго Царя, а чрезъ Великаго (кажется) Литовскаго Канцлера, при чемъ (сколько помнится намъ) Король не всталъ на ноги, какъ требовалъ церемоніялъ. Смотр. Флорентійскія бумаги, изданныя Чертковскою Библіотекой. Москва, 1871, часть 2.

[33] «Tanta vettovaglia, robba.» Слово «robba» обозначаетъ движимое имущество всякаго почти рода, кромѣ денегъ.

[34] Кремль Дорогобужскій. О. Б.

[35] «Archibusieri.»

зію, окруженному въ то время 24 Совѣтниками, сидящими двѣнадцать по правой и двѣнадцать по лѣвой его рукѣ. Когда я приблизился къ Великому Князю, одинъ изъ сказанныхъ Совѣтниковъ всталъ и сказалъ Его Высочеству: «Великій Царь, [36] Князь и Государь (каковой титулъ всегда ему дается) Посолъ любезнѣйшаго и дражайшаго брата твоего, Максимиліяна, избраннаго Цесаря Римскаго, кланяется тебѣ;» а я, между тѣмъ, подошелъ къ нему и преклонилъ колѣна. Когда же всталъ, то Его Высочество спросилъ меня о здравіи Его Величества, на что я отвѣтилъ, что оставилъ его въ добромъ здравіи. Послѣ сего Его Высочество также спросилъ, съ чѣмъ я былъ посланъ къ нему, и тогда я подалъ ему грамоту и даръ отъ имени Императорскаго Величества, состоящій изъ ожерелья, [37] украшеннаго 62 довольно крупными брильянтами, съ Императорскою короною на верху, цѣною около 8 тыс. скудовъ, [38] За тѣмъ Его Высочество сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я продолжалъ мою рѣчь, каковая заняла почти цѣлый часъ, по тому что посольство мое заключалось въ шести довольно важныхъ статьяхъ и каждое мое слово переводилось толмачомъ. По окончаніи моей рѣчи онъ подозвалъ меня къ рукѣ, и велѣлъ мнѣ сѣсть на приготовленный насупротивъ него богато убранный стулъ, потомъ допустилъ къ рукѣ всѣхъ лицъ моего сопровожденія; а когда всѣ они поцѣловали его руку, онъ меня пригласилъ къ своему столу. [39] Поблагодаривъ Его Высочество за всѣ оказанныя мнѣ милости, я былъ провожденъ тѣми же Приставами въ отдѣльный покой, гдѣ оставался около получаса, пока меня повели къ Государеву столу. Я увидѣлъ его уже переодѣтымъ, тогда какъ при первомъ моемъ пріемѣ онъ былъ въ Императорскомъ облаченіи, а на главѣ у него былъ вѣнецъ почтитакой же, какъ корона Его Святѣйшества, Папы, хранящаяся въ замкѣ Сантъ-Анджело, которую мнѣ показывалъ Подкастелянъ Мальвазія. Видалъ я корону Испанскаго Короля со

---

[36] Въ текстѣ «Cesare,» болѣе правильное «Czar,» встрѣчается въ Италіянскихъ посольскихъ спискахъ не ранѣе 2-й половины XVII вѣка (см. Флорентійскія бумаги, изданныя Чертковской Библіотекой).

[37] «Maneglio,» слово, не существующее въ Итальянскомъ, произведенное отъ Латинскаго «monile,» ожерелье.

[38] Нынѣшнее «scudo,» Французское «ecu,» около 5 франковъ.

[39] Въ текстѣ: «a voler mangiar seco il suo pane» (благоволить кушать съ нимъ его хлѣбъ). Вѣроятно: «раздѣлить съ Великимъ Княземъ его хлѣбъ-соль.»

всѣми регаліями, и короны Тосканскаго Великаго Герцога, показыванныя Его Свѣтлости, моему патрону, при возвращеніи изъ Испаніи, и многія другія, въ томъ числѣ и короны Его Цесарскаго Величества, Угорскаго и Чешскаго Королевствъ, а равно и Французскаго Короля, но увѣряю Свѣтлѣйшую и Честнѣйшую Милость Вашу, что ни одна не можетъ равняться съ короною Московскаго Великаго Князя. Вся одежда его осыпана брильянтами, красными яхонтами, изумрудами и другими драгоцѣнными каменьями величиною въ орѣхъ, и немало дивлюсь, какъ можетъ Великій Князь выдерживать такую тяжесть. По правой рукѣ сидѣлъ его старшій сынъ, одѣтый точь въ точь какъ его родитель, съ тою только разницею, что его вѣнецъ лежалъ на лавкѣ, и въ рукѣ не было скипетра, а посохъ его отца.[40] Онъ, по примѣру родителя, спросилъ у меня о здравіи Его Цесарскаго Величества тѣми же словами, какъ и отецъ. За столомъ оба они были въ одеждахъ изъ алаго бархата, украшенныхъ драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ, а вѣнцы ихъ съ удивительными брильянтами, яхонтами и изумрудами лежали на лавкахъ возлѣ нихъ. Вмѣсто вѣнцовъ, они теперь имѣли на головѣ нѣчто въ родѣ Греческихъ скуфеекъ, съ однимъ краснымъ яхонтомъ спереди, величиною въ яйцо, и эти два яхонта сіяли какъ два пламени. Родитель и сынъ сидѣли одни за отдѣльнымъ столомъ, а для меня былъ особый, въ разстояніи не болѣе одного шага отъ нихъ. Блюда были всѣ изъ чистаго золота, и ихъ вносили сто Стольниковъ; смѣненныя же блюда новыми относили на запасный огромнаго размѣра столъ, гдѣ ставили ихъ одно на другое, не обращая вниманіе, что на многихъ были еще яства. Слѣдуетъ также Вамъ знать, Свѣтлѣйшій и Честнѣйшій Господинъ, что на Великокняжескій столъ ставилось всегда единовременно три блюда: одно изъ нихъ для собственнаго его употребленія, другое онъ передавалъ сыну, а третье отсылалъ мнѣ, что также соблюдалось съ чашами (съ виномъ), и весьма часто повторялось.

Въ послѣднемъ случаѣ подходилъ ко мнѣ Главый Кравчій и говорилъ: «Iwane! (называя меня по имени).[41] Weliki Czar, Knes i Hospodar podaje,» что значитъ въ переводѣ: «Джіовани! Великій Цесарь, Князь и Господарь, посылаетъ тебѣ.» Дру-

---

[40] Сказанный Царевичъ былъ злополучный Иванъ, убитый своимъ отцомъ въ 1582 году.

[41] По другимъ документамъ Перштейна, сочинителя этого Донесенія, звали Филиппомъ, а не Иваномъ.

гія блюда разносили моимъ спутникамъ, сидѣвшимъ со мною за однимъ столомъ, и его Дворянамъ,[42] которые около 200 человѣкъ сидѣли за тремя предлинными столами. Пиръ продолжался добрыхъ шесть часовъ, и въ заключеніе, когда мы всѣ встали, Великій Князь поднесъ собственноручно мнѣ и каждому изъ моихъ чашу малвазіи,[43] каковую мы всѣ выпили до дна за его здоровье и поклонились ему; послѣ сего насъ проводили домой при громкой пальбѣ и со множествомъ свѣтильниковъ.

У себя, въ жилищѣ, пришлось угощать нашихъ Приставовъ и прочихъ изъ главныхъ лицъ Княжескаго Двора, и съ ними пить почти до разсвѣта. Вотъ какъ прошелъ нашъ первый пріемъ. Второй былъ на слѣдующій день, въ 9 часовъ. Когда я вошелъ и отдалъ Великому Князю честь также, какъ и въ первый день, онъ посадилъ меня и сказалъ, что цѣль моего посольства ему нынѣ извѣстна, и что онъ поручилъ пятерымъ изъ своихъ первыхъ сановниковъ переговорить обо всемъ со мною, и чтобы я покончилъ съ ними это дѣло, согласно изъявленному имъ желанію. Тогда, войдя съ ними въ особенную комнату, мы около трехъ часовъ разсуждали о нашихъ дѣлахъ и, съ Божіею помощію, пришли къ окончательному соглашенію, не отступая отъ данныхъ мнѣ наставленій Его Цесарскимъ Величествомъ, послѣ чего эти господа встали и сказали, что пойдутъ доложить обо всемъ Государю, и потомъ извѣстятъ меня объ его мнѣніи, за что я ихъ поблагодарилъ. Не прошло получаса, какъ они возвратились и сказали, что Государь все одобряетъ, а на завтра самъ сообщитъ мнѣ о томъ и изустно. Когда же на слѣдующее утро я явился къ нему, онъ лично сказалъ мнѣ: «Я узналъ отъ тебя сущность твоего ко мнѣ посольства отъ возлюбленнаго и дражайшаго моего брата, что самое подтвердили мои «Weliki Bojarі», а также и о томъ, о чемъ они, по порученію моему, съ тобою совѣщались, и по тому имѣешь ты передать любезнѣйшему моему брату, что я неуклонно намѣренъ самъ и со всѣми моими домашними пребывать съ нимъ нынѣ и навсегда въ прежней дружбѣ и братствѣ также, какъ было это у моего Государя отца, съ его отцомъ и дѣдомъ, Максимиліяномъ и Цесаремъ Фердинандомъ. За тѣмъ скажи возлюбленнѣйшему и дражайшему брату моему, что, когда онъ пришлетъ ко мнѣ своихъ

---

[42] «Offiiiali» то же что «uffiziali,» приближенные, чиновные люди.

[43] «Mulso» переводимъ гадательно «малвазія.»

Великихъ Пословъ и убѣдитъ Римскаго Папу, Испанскаго Короля и прочихъ Христіянскихъ Государей, сдѣлать то же, онъ окажетъ этимъ великую пользу всему Христіянскому міру, [44] въ чемъ да поможетъ Пресвятая Троица, Единый Всемилостивый Богъ! Аминь. Согласно всему, слышанному подробно тобою отъ великихъ моихъ Бояръ, коимъ имѣешь ты дать вѣру, какъ бы самому мнѣ, и желая наискорѣе привести въ исполненіе наше съ тобою соглашеніе по всѣмъ предметамъ и статьямъ, обозначеннымъ въ твоемъ къ намъ посольствѣ, я намѣренъ отправить къ его Цесарскому Величеству Князя Захарія Суборскаго и Андрея Арцыбашева» (при сихъ словахъ оба эти сановника, сидѣвшіе дотолѣ въ числѣ 24 Совѣтниковъ, встали и преклонили колѣна предъ Его Высочествомъ), [45] при чемъ прошу Его Цесарское Величество, по минованіи въ нихъ нужды, поспѣшить обратно ихъ отправить ко мнѣ. Итакъ, когда братство наше достаточно будетъ такимъ образомъ укрѣплено, то намъ удобнѣе будетъ взаимно отправлять другъ къ другу чрезвычайныхъ Уполномоченныхъ и Великихъ Пословъ, на подобіе того, какъ я нынѣ обратно отправляю тебя къ Цесарскому Величеству, коему имѣешь ты передать мой поклонъ и выразить мои къ нему чувства.» Послѣ сего Великій Князь собственноручно поднесъ мнѣ, и находящимся при мнѣ лицамъ, по двѣ чаши, одна за другою, мальвазіи, потребовавъ, чтобы мы осушили ихъ до дна, что мы и исполнили, хотя были натощахъ.

Вотъ какое обращеніе имѣлъ со мною Его Высочество, а передъ моимъ отъѣздомъ прислалъ онъ мнѣ въ даръ восемь сороковъ соболей, каждая шкура коихъ оцѣнена въ Вѣнѣ въ 700 флориновъ, и, сверхъ того, всѣ мои издержки, во все время моего пребыванія, были съ величайшею щедростію отнесены на его, Великокняжескій, счетъ, такъ что я не издержалъ ни одного кват-

---

[44] Подразумѣвается, вѣроятно, предполагавшійся общій союзъ противъ Турецкаго Султана.

[45] Въ текстѣ «il Duca.» Это былъ Князь Захаръ Ивановичъ Бѣлозерскій. Арцыбашевъ («Повѣствованіе о Россіи.» М., 1838), ссылаясь на Щербатова и Дѣла Цесарскія въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, говоритъ, что съ Посломъ Принцомъ изъ Бухова (товарищемъ Кобенцеля) 1576 г. поѣхали къ Цесарю «легкими Послами Захарій Сугорскій и Дьякъ Андрей Арцыбашевъ.» Стало быть: Захаръ Суборскій, Сугорскій и Князь Захаръ Бѣлозерскій одно и то же лицо? О. Б.

рина,[46] кромѣ данныхъ по мелочи[47] находившимся при мнѣ въ услуженіи людямъ.

Многое еще имѣлъ бы я передать Вашей Святѣйшей и Честнѣйшей Милости касательно могущества Московскаго Государя, но все это превзошло бы размѣръ обыкновеннаго письма; при томъ опасаюсь, что я обременяю Васъ, отвлекая такимъ образомъ Ваше время отъ важныхъ Вашихъ всегдашнихъ занятій. Однако же рѣшаюсь еще изложить найболѣе крупныя особенности, замѣченныя мною. Во время обѣденнаго стола у Великаго Князя, на печномъ шесткѣ предпечія,[48] (разставлено) было множество блюдъ, тарелокъ, чашъ и подобныхъ сосудовъ изъ золота и серебра, которые едва ли помѣстились бы на 30 Вѣнскихъ возахъ; со всѣмъ тѣмъ, это не составляло вполнѣ всего Великокняжескаго буфета, а принадлежало только той посудѣ, которая всегда находится въ томъ замкѣ, гдѣ мы на этотъ разъ обѣдали. А сколько имѣется таковой въ его столицѣ, Москвѣ, тому и счета нѣтъ: то же можно сказать объ его казнѣ и другихъ драгоцѣнностяхъ. Дѣдъ царствующаго Великаго Князя,[49] по взятіи и разгромѣ Великаго Новгорода, привезъ и сложилъ въ свою казну до трехъ сотъ большихъ подводъ, нагруженныхъ монетою и множествомъ золота и серебра въ слиткахъ. А родитель его,[50] присоединивъ 15 Княжествъ къ своей Державѣ, вывезъ всю казну Княжескую оттуда и отъ частныхъ лицъ, и все это также сложилъ въ собственное свое Московское хранилище. Тому самому примѣру послѣдовалъ и нынѣшній Великій Князь по покореніи имъ двухъ Царствъ,[51] Астрахани и Казани. Въ недавно минувшее время онъ поступилъ также при взятіи торговыхъ городовъ Дерпта и Пернавы и многихъ иныхъ богатѣйшихъ мѣстностей въ Ливоніи, гдѣ онъ не далъ своему войску попользоваться ни единымъ кватриномъ, а все забралъ себѣ, какъ первоначально дѣлали то Римляне.

---

[46] Древняя мельчайшая Италіянская монета, равняющаяся менѣе нашей деньги серебромъ.

[47] Въ текстѣ «beveraggi,» по Французски «pour boir,» соотвѣтствующее нашему «на водку.»

[48] «Antistufa.»

[49] Иванъ III Васильевичъ.

[50] Василій III Ивановичъ.

[51] Въ текстѣ «imperii,»

У него много способовъ къ пріобрѣтенію денегъ, а главный состоитъ въ томъ, что онъ почти исключительно одинъ производитъ всю торговлю въ своемъ Государствѣ, и самъ почти ничего не тратитъ, такъ что отправляемыхъ имъ Пословъ (и тому подобныхъ лицъ) онъ деньгами не снабжаетъ, и они живутъ въ этихъ случаяхъ на собственный свой счетъ.[52] Ратнымъ людямъ, при отправленіи и возвращеніи съ войны, онъ не только что не даетъ денегъ, но еще они платятъ ему джулію[53] съ человѣка, подъ предлогомъ того, чтобы можно было провѣрить число отправлявшихся и возвращавшихся изъ похода. Меня увѣряли Нѣмцы, Москвитяне и Поляки, оставшіеся на службѣ при Великомъ Князѣ, что онъ можетъ, въ теченіи 40 дней, собрать 300 тысячъ отличныхъ стрѣльцовъ,[54] что, хотя и кажется невѣроятнымъ, однако же они клялись мнѣ въ томъ. Разсказывали мнѣ также, что на четырехъ мѣстахъ своего Государства онъ имѣетъ до двухъ тысячъ пушекъ и множество другихъ орудій, изъ коихъ нѣкоторыя изумительно длинны и столь широки и высоки, что самаго высокаго роста человѣкъ, входя въ дуло съ надлежащемъ зарядомъ, не достаетъ головою до верху.[55] Узналъ я объ этомъ, между прочимъ, отъ одного Нѣмца, который самъ отчасти испыталъ это при осадѣ Полоцка, продолжавшейся не болѣе трехъ дней,[56] въ каковое время крѣпость эта, извѣстная своими оборонительными вооруженіями, была вся уничтожена, при такомъ пушечномъ громѣ, что казалось небо и вся земля обрушились на нее.

Государство Московское имѣетъ въ длину 600 легъ, а въ ширину 400: въ немъ много рѣкъ, изъ коихъ, Большая и Малая Двина

---

[52] Обстоятельство это подтверждается въ Флорентійскихъ бумагахъ, гдѣ читаемъ, что Послы Царя Алексѣя Михайловича, Чемодановъ и Лихачовъ, почти что бѣдствовали во время ихъ пребыванія при Итальянскихъ Герцогахъ, безстыдно просили денежныхъ пособій и перебивались продажею привезенныхъ съ собою равнаго достоинства мѣховъ и ревеня.

[53] «Джуулio» то же, что паоло, уничтоженная съ недавнихъ временъ монета, равнявшаяся почти 15 нынѣшнимъ копѣйкамъ.

[54] «Archibusieri.»

[55] «Che maggior huomo non poteva giungere dal' fondo all' altezza, mettendosi dentro nel pezzo, con tutta la necessaria munitione.»

[56] Тутъ, въ примѣчаніи къ тексту, находится замѣчаніе, взятое изъ Неаполитанской рукописи, въ коемъ сказано: «tre hore» (три часа).

и Нарва впадаютъ въ Ледовитое море,[57] Волга въ Каспійское, Танаисъ (Донъ), въ Меотійскія болота (Азовское море), а оттуда въ Большое море,[58] также Борисѳенъ (Днѣпръ) въ Эвксинское (Черное), и всѣ эти рѣки по большей части судоходны. Въ настоящее время Московскій Великій Князь строитъ соляные магазины на Ливонской границѣ, въ виду полученія дохода до одного милліона золотою монетою въ годъ, и этимъ онъ значительно подорветъ Французскую промышленность, сильно торговавшую по сю пору солью въ тѣхъ мѣстахъ. Хлѣбъ же зерномъ онъ отправляетъ въ большомъ количествѣ въ Швецію, Данію и въ сосѣднія съ ними страны, а также къ Каспійскому морю, главнѣйшему послѣ Эвксинскаго. Отправляетъ онъ также за границу множество желѣза, воска, сала, строительнаго лѣса, конопли, золы и всякихъ мѣховъ и многихъ другихъ произведеній.

Не нуждается онъ и въ экзотическихъ произведеніяхъ,[59] по тому что все таковое имѣетъ у себя дома. Словомъ, онъ такой могущественный властелинъ, что никто тому не повѣритъ, не бывши въ этомъ Государствѣ. Но всего болѣе замѣчательно безграничное послушаніе подданныхъ своему Государю. Онъ никогда иначе не обращается къ нимъ, какъ съ повелѣніями, а они считаютъ себя счастливѣйшими людьми, если могутъ пожертвовать за него, не только достояніемъ своимъ, но и жизнію. Это происходитъ отъ того, что подданные смотрятъ на своего Государя, какъ на лицо, приближенное[60] къ Богу и какъ на исполнителя Всевышней воли, и по тому подчиняются безпрекословно всѣмъ его повелѣніямъ. Изо всего этого слѣдуетъ вполнѣ убѣдиться, что если бы Московскій Государь рѣшился примкнуть къ Святому Апостольскому Сѣдалищу, то всѣ его подданные сразу сдѣлали бы то же самое.[61]

Поляки умаляютъ, по видимому, значеніе Московскаго Государя, но онъ смѣется надъ ними, говоря, что владѣетъ двумя стами

---

[57] Малая или Западная Двина и Нарва впадаютъ въ Балтійское море.

[58] Въ иныхъ древнихъ описаніяхъ Московіи намъ встрѣчалось названіе: «mare magiore», какъ относящееся къ Черному (иначе Эвксинскому) морю.

[59] Экзотическими сочинитель, быть можетъ, называетъ колоніальныя: сахаръ, виноградныя вина и проч.

[60] «Cameriere.»

[61] Что въ этомъ сладкомъ заблужденіи могъ быть Латынянинъ XVI вѣка, не

легъ ихъ земли, и что они по сю пору ни разу не вступали въ открытую съ нимъ борьбу за эти земли, и ничего не предпринимаютъ, чтобы возвратить ихъ себѣ. Въ слѣдствіе сего онъ довольно неуважительно обходится съ Польскими Послами, что самое предрекали и мнѣ люди, принимавшіе во мнѣ участіе, когда я отправлялся въ Московію. Однако же могу, какъ истинный Христіянинъ, увѣрить Васъ, Свѣтлѣйшій и Честнѣйшій Господинъ, что лучше того, какъ обращался со мною Московскій Государь, не могли бы со мною обращаться ни въ Римѣ, ни въ Италіи, если бы я былъ отправленъ туда Его Величествомъ. Не отрицаю, однако же, что мнѣ сказывали, что въ Московіи бываетъ разное обращеніе съ Послами; такъ, на пр., посланные отъ дружественныхъ Державъ принимаются, какъ меня принимали, но съ Польскими и съ нѣкоторыми другими Послами, въ томъ числѣ Шведскими, Татарскими и Турецкими, обращаются, какъ они заслуживаютъ того, [62] то есть, хуже, нежели Турки обращаются съ нашими Послами. Вотъ все, что я хотѣлъ Вамъ сообщить о Московскомъ Великомъ Князѣ и объ его Государствѣ.

Покуда я писалъ эти строки Вашей Свѣтлѣйшей Милости, я достовѣрно узналъ, что Литовцы, увидѣвъ медленность и нерѣшительность Его Цесарскаго Величества, отправили своихъ Пословъ къ Московскому Великому Князю уговориться съ нимъ о возведеніи на ихъ престолъ, буде это возможно, втораго его сына, по имени Ѳеодора. Если это состоится, то произведетъ всеобщій ужасъ и будетъ причиною и источникомъ весьма важныхъ послѣдствій. Впрочемъ, если Его Цесарскому Величеству не возможно будетъ пріобрѣсти Польскаго Королевства и Литовскаго Великаго Княжества, то желательно было бы, чтобы ими владѣлъ Московскій Князь, по тѣмъ самымъ причинамъ, какія упомянуты мною въ началѣ сего письма, а мы, между тѣмъ, пользовались бы несомнѣнно черезъ это или миромъ съ Турками, или имѣли бы болѣе обширныя средства воевать съ ними. Послѣднее предположеніе

удивительно, но несравненно страннѣе, что я, въ юношествѣ своемъ, слыхалъ Русскихъ Римско-Католиковъ сочувственно приводившихъ слова Папы Пія VII, что если угодно будетъ Императору Александру Павловичу, то соединеніе Русской Церкви съ Римской состоится въ одинъ мигъ. По ихъ мнѣнію Русскій народъ, тутъ, видно, ни при чемъ.

[62] «Come meriteriano.»

было бы тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что тогда Московскій Государь не захотѣлъ бы оставаться въ мирѣ съ Турками, не то что цѣлый годъ, но даже ни одного дня. Можетъ быть, что въ самомъ дѣлѣ этимъ-то путемъ, судитъ Всевышній помочь намъ и освободить отъ (Турецкаго) тиранства. Дай Богъ, чтобы это такъ сбылось, и чтобы Онъ благоизволилъ охранять Васъ, Свѣтлѣйшій и Честнѣйшій Господинъ, на многія лѣта, чего искренно Вамъ желаю. Амины! Со всякимъ смиреніемъ, поручая себя Вашему доброму расположенію, цѣлую руки Ваши. Изъ Ловича, въ Польшѣ, отъ 27 Мая, 1575 года.

Сергіевъ Посадъ.
26 Апрѣля, 1872 года.